

© 1999 г. Н.Ю. ШВЕДОВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ В РАБОТЕ НАД "РУССКИМ СЕМАНТИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ"*

I. Основания для классификации лексики. "Русский семантический словарь" (тт. 1–6, около 300 000 словозначений) был задуман в качестве труда, который представит современную русскую общеупотребительную лексику в виде такого уровня языковой системы, который, как и уровни грамматический и словообразовательный, имеет собственную организацию и может быть представлен как такая организация. Этот постулат с необходимостью предполагал поиск обобщений определенных данностей, конструирующих такую организацию и обеспечивающих ее целостность. Путь поиска дает сам язык: он разделил слова на классы, организуемые одновременно самой общей лексической семантикой входящих в них единиц и обобщением грамматических свойств этих единиц. Такими классами являются части речи. С давних пор в русской грамматической традиции в разграничении частей речи соседствуют два принципа: строго формальный и функциональный. Если исходить от функций тех или иных классов слов, то в вершине членения (вслед за всеохватывающим началом – "Слово") оказывается членение функциональное: оно представляет все слова как распределенные по четырем множествам: слова указующие, именующие, связующие и квалифицирующие. Этому членению подчинены собственно лексико-грамматические классы (части речи): слова указующие – местоимения; слова именующие – имена существительные, прилагательные, наречия, предикативы и глаголы; слова связующие – предлоги и союзы и слова собственно квалифицирующие – частицы, модальные слова. Эти классы (части речи) как носители самой обобщенной лексической семантики, общих грамматических свойств слов и их словообразовательных потенций и были положены в основу классификации материалов, извлеченных из современных толковых словарей и специально составляющихся новых баз данных. Отступление от формального принципа, также традиционное, было сделано для обобщенного описания слов указующих, т.е. местоимений (а также для счетных слов): здесь доминирующим был признан функциональный подход, причем сам термин "указующие слова" следует считать достаточно условным, см. далее раздел V). Таким образом, вершина классификации оказывается трехступенчатой: "слово – функциональные классы слов – части речи". Такая классификация, исходящая из совокупного и нераздельного существования в слове его лексической семантики и грамматических свойств, позволила не только охватить весь материал без остатка, но и найти путь к его естественным внутренним членениям.

В результате тщательного анализа семантических свойств слов, входящих в ту или иную часть речи, каждый такой класс предстал как разветвленное лексическое дерево, расходящееся на многочисленные ветви, идущие от вершины к основанию и вычленивающиеся одна из другой на основе семантического сужения. Такое дерево, характеризующееся ступенчатой инкорпорированностью своих нисходящих ветвей и безостаточностью единиц, образующих такие ветви и к ним устремленных, представляет

* Настоящая статья представляет собой доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова 7 мая 1998 г.

собою лексико-семантический класс как множество, сочленяющее в себе подмножества разной степени обобщения и наполнения. В семантическом словаре такое множество и его строение показано соответствующими схемами; их задача – не искусственная схематизация словесного состава языка, а наглядное представление лексического класса как естественной системы (см. II).

Избранный путь представления лексики как одного из уровней языковой системы обеспечил строгость описания, его полноту и естественность его основания; этот путь непосредственно подвел к такому представлению языковой картины мира, которое отвечает самому существу этого понятия. Возможно было и другое словарное описание, которое шло бы не от третьего шага вершины, а от второго (см. выше): тогда рядом с местоимениями в качестве слов "указующих", оказались бы дейктические глаголы и дейктические имена существительные, рядом с предлогами и союзами – все каузативные глаголы, рядом со словами квалифицирующими – все прилагательные, называющие градуируемый признак. Однако реализация такого принципа не только сделала бы пользование словарем в высшей степени затруднительным, но и не отразила бы природы лексики как естественной системы.

II. Лексика как система. Изучение и лексикографическое представление большого массива слов, распределенного на тех основаниях, которые изложены в п. I, подтвердило тезис, согласно которому современная русская общеупотребительная лексика представляет собою такую естественную целостность, которая обладает всеми свойствами исторически сложившейся живой самообразующейся и саморегулирующейся системы. Эта система предстает как живая самодостаточная организация, характеризующаяся, как и всякая другая материальная естественно сложившаяся система, следующими свойствами.

1) Современная русская лексическая система сложилась исторически и отражает многовековой опыт народа; в ней присутствуют как отдельные единицы, так и целые их подмножества, несущие в себе следы прежних ступеней развития языка; т.о., в самой системе заложены свойства соположенности единиц, различных по своим индивидуальным генетическим (хронологическим) характеристикам, а также по стилистической окраске, по своей сути тоже принадлежащей к широкой сфере исторических характеристик слова.

2) Лексическая система живет по своим собственным законам, созданным языком и регулирующим ее существование и развитие; эти законы исключают хаос и регламентируют процессы, происходящие внутри всей словесной организации.

3) Лексическая система состоит из отдельных участков (подсистем), взаимодействующих друг с другом, но существующих под эгидой системы в целом и подчиняющихся ее законам. Эти участки сами имеют свою внутреннюю организацию – некое ядро, к которому устремлены компоненты такой подсистемы. Движения внутри системы назревают и осуществляются в пределах таких подсистем: именно здесь они наблюдаемы на сравнительно коротких временных отрезках.

4) Лексическая система является открытой системой; эта открытость различна для разных ее участков: какие-то из них легко принимают новации, другие почти строго консервативны.

5) При вхождении новаций в тот или иной участок системы в нем происходят определенные изменения; новая единица не просто вмещается в этот участок: ее присутствие влияет на соотношение и качество тех ближайших единиц, в круг которых эта новация входит как составляющее, принимаемое в границы соответствующего множества.

6) Лексическая система как естественная и живая исторически сложившаяся целостность обеспечивает возможность такого воспроизведения языковой картины мира, которая основывается на множестве иерархически организованных номинаций, в своих связях и отношениях осмысляемых средствами самой языковой системы (см. п. IX).

Очевидно, что полученные результаты, подтверждающие статус лексического уровня языка как естественной самоорганизующейся целостности, исключают пони-

мание лексической системы как конструкта – отдельного фрагмента, отвечающего тем требованиям, которые предъявляет к нему концепция исследователя: этот фрагмент обязательно должен включать в себя единицы, толкуемые единым мета-языком и связанные друг с другом возможностями взаимообращения (обязательностью объяснения одного через другое); при таком понимании исследователь волен оперировать любой избранной им совокупностью слов как "лексической системой".

III. "К а р т и н к и ж и з н и", рисуемые предконечным или конечным подмножеством лексического древа. Подножества слов, относящиеся к предконечным ветвям лексического древа, не являются простыми подборками единиц, обладающих некоей семантической общностью; такие подмножества выполняют важную собственно конструктивную и информативную роль, открывая перед нами определенный участок действительности. Это языковые "картинки жизни", через ступень подмножества естественно вписывающиеся не только в систему лексики, ей принадлежащие, но и занимающие свое место на конечных ступенях языковой картины мира. Такие "картинки жизни" рисуются прежде всего лексикой, называющей разнообразнейшие реалии бытия – именами существительными и глаголами. В центре такого подмножества стоит слово (или несколько слов) с опорным, наиболее общим значением; к нему по-разному обращены слова, составляющие его ближайшее окружение. Существуют определенные типы таких "картинок": одни дают собственно изображение, другие его так или иначе живописуют; в большинстве случаев такие качества контаминируются в одном подмножестве. "Картинка жизни" может совпадать с традиционным понятием синонимического ряда, но это бывает только на последней ступени разбиения: предконечные подмножества, как правило, не равны синонимическому ряду словозначений. Типология "картинок жизни" требует специального изучения; здесь назовем наиболее характерные их виды.

1) Подножества собственно информирующие формируются лексикой, близкой к терминологической и не допускающей стилистических соположений; сравни, например, названия реалий, относящихся к церковному устройству, к предметам богослужения, а также все относящиеся сюда глаголы: здесь нет "живописания" соответствующей сферы жизни, но только тщательная и точная о ней информация. В ряде случаев такие собственно информирующие подмножества несут в себе косвенную информацию о том, что сопутствует именуемому, какой конкретный участок жизни за ним стоит; сравни именованья таких совокупностей предметов, которые образованы беспорядочно или только с видимым порядком: *куча, гряда, ворох, нагромождение* – *кипа, батарея* (перен.), *пирамида* (перен.), *шеренга* (перен.) – *охапка*; вникая в строение этого ряда, мы ясно представляем действия того, кто что-нибудь беспорядочно набросал или нагромодил, либо как-то сложил или уложил, либо беспорядочно ухватил столько, что больше уже не взять; соответствующие глаголы или фразеологизмы дорисуют начатое (*нагромождать, навалить, накидать, наставить, обхватить* и др.).

2) Подмножества живописующие, сочетающие в себе единственно возможное "безучастное" обозначение с его ментальными и ментально-эмоциональными модификациями, раскрывающие средствами языка сложившееся отношение к именуемому; ср.: *умереть* – и все его окружение, от представления смерти как ухода к Богу до самого грубого и даже циничного обозначения; еще один яркий пример такой живописующей "картинки жизни" – именование глаголом фазы бытия как предстояния: здесь лишь глагол *предстоять* выполняет соответственно информирующую, собственно обозначающую функцию; далее вступает отношение человека как незнание или страх перед предстоящим (*надвигаться, угрожать, подкарауливать* и др.) либо – весьма ограничено – как удовлетворенность (*улыбается, светит что-н. кому-н.*). Яркие "жизненные картинки" открываются такими подмножествами как "глаголы, называющие поведение или контакты" или "названия человека по его поведению, поступкам" и мн. др.

3) Наиболее распространенный вид рассматриваемых подмножеств – сочетание собственно информирующей и живописующей частей; при этом первая часть может

быть синонимическим рядом (например, *человек – индивид – личность – персона*) или рядом несинонимическим (например, *населенный пункт – город – село – деревня – хутор...*), а вторая часть живописует любое из таких именований (*человек... – смертный, раб божий, ближний; город... – дыра, медвежий угол, тмутаракань*). Сравни в глаголах, называющих манеру, способ речи: *говорить, произносить и бормотать, тараторить, тарыхтеть, гундеть, гнусавить, шепелявить*.

"Картинка жизни" – в разных своих видах – восполняет отношение "лексическая подсистема – синонимический ряд": она оказывается необходимым членом триады, организующей лексическое пространство внутри системы в целом: 1) лексическая система и ее подсистемы как исходящие непосредственно от вершины ветви лексического древа – 2) подмножества, членившие (и одновременно собою организующие) эти подсистемы – 3) предконечные или конечные ряды, самым своим составом информирующие об устройстве того или иного "кусочка действительности" и его "живописующие".

Характерно, что слова, обращенные к квалифицирующим смыслам (см. IX), не образуют подмножеств, рассматриваемых выше; их объединения специфичны: это или ряды, градуирующие смысл (например, *какой – хороший, прекрасный, отличный* и т.д.; *весьма – очень, чрезвычайно* и т.д.), или ряды, сопологающие значения, относящиеся к сфере объективной модальности (*нужно, должно, необходимо, целесообразно, возможно* и др.).

"Картинки жизни" – необходимый компонент лексической системы, ее органические составляющие, и многозначного слова: принадлежа к общей сфере языковой номинации, они сходны по своему устройству.

IV. Обнаруживается глубинное сходство между строением лексического класса и многозначного слова: принадлежа к общей сфере языковой номинации, они сходны по своему устройству, по тенденциям развития, по своему отношению к языковым новациям и к разностилевым компонентам, тяготеющим к их составу. В многозначном слове, как в микромире, отражаются все основные свойства лексического класса – его макромира. Это объяснимо, так как и то и другое представляет собой сложившуюся целостность значимых единиц одной и той же природы: слово существует как иерархически организованная целостность словозначений, лексический класс – как многоступенчатая целостность множеств, объединяющих такие значения. Речь идет о многозначном слове, однако существование однозначных слов не противоречит сказанному: при моносемии всегда существует возможность семантических модификаций, готовность к семантическому расширению. Говоря об изоморфизме слова и лексического класса, следует помнить, что при этом сопоставляются не отдельное слово с отдельным лексическим классом, а общие для всех слов и для всех классов черты строения и закономерности развития. Эта общность не абсолютна, но характерно, что черты различия выступают на фоне сходства, и это сходство с очевидностью доминирует над различием этих двух основополагающих языковых систем – лексического класса и слова как такой микросистемы, общеязыковые свойства которой формируются внутри класса, которому эта микросистема обязана своим существованием. Выявляются несколько безусловных черт сходства в строении слова и лексического класса.

1) Как слово, так и лексический класс представляет собой многоступенчатую целостность, объединяющую в своем составе такие участки, которые сочленены в определенную систему; в составе класса – это все его подмножества и подчиненные им ветви, в слове – это все его отдельные значения и отходящие от них "оттенки", также тесно сплетенные в единое целое. И в том и в другом случае составляющие системы находятся друг с другом в отношениях взаимной зависимости: это не простое соположение компонентов, а отношения порождающего и порождаемого: и в слове, и в лексическом классе присутствует возникающая в самом ходе их развития связь между теми целостностями, которые являются компонентами их структуры.

2) И слово, и лексический класс, представляют собой ступенчатую организацию: и в том и в другом случае ступени нисходят от общего к частному, от производящего к производному. Для лексического класса такая черта является конструктивной, она обязательна и постоянна: это всегда сужение. Для семантической структуры слова эта черта характерна, но не абсолютна: модификации значений разнообразны, это может быть как сужение, так и расширение производящего значения; однако и само расширение значения, по-видимому, может рассматриваться как один из видов семантического включения. В целом же картина достаточно очевидна: лексическое древо предстает как разветвление семантически дифференцируемых, сужающихся ветвей, слово – как семантическая структура, расчленяющаяся по направлению от общего к частному; даже в тех случаях, когда вычлняющееся значение оказывается более широким по сравнению с вычлняющим, отношения порождения всегда остаются одной из ступеней, идущих от смыслового ядра к завершению. В любом случае для каждой из этих систем характерна семантическая дифференциация, направляющаяся от вершинного исхода к завершающим ступеням целостного построения.

3) Как слово, так и лексический класс являются открытой системой. Слово постоянно развивается, образует новые значения, всегда при этом сохраняя "спящие", но готовые по-разному напомнить о себе значения старые или устаревшие. Открытость слова состоит в его разнообразных взаимодействиях с другими лексическими единицами – через словопроизводство, синонимику, омонимические отталкивания; практически ни одно слово не существует вне взаимодействий с другими словами или фразеологизмами. Та же черта характерна и для лексического класса: он открыт для образования новых единиц – лексических рядов, образующихся в результате появления новых слов и значений, заимствований, интернациональных включений. Однако ни в слове, ни в лексическом классе открытость не колеблет целого, а лишь обогащает его и стимулирует его естественное развитие и разветвление.

4) Слово и лексический класс сходны по характеру происходящих в них и обусловленных развитием языка внутренних движений. И там, и там перед нами – живая, движущаяся и развивающаяся система, в самой себе заключающая потенциал расчленения и обогащения: в границах слова формируются новые семантические единицы, порождаемые самим словом как знаком, обращенным вовне – к реалиям, требующим именования, к другим словам и к связям между ними. В границах лексического класса формируются (но гораздо постепеннее, чем в слове) новые обогащающие его компоненты – лексические ряды, в процессе развития словаря вычлняющиеся из конечных ветвей лексического древа.

5) И слово, и лексический класс обладают собственным производящим потенциалом. В слове это способность каждого из его значений к словопроизводству, способность образовать другие единицы, принадлежащие как к тому же самому, так и к другим классам и распределяющиеся по самым разнообразным множествам. В лексическом классе – это его мощный потенциал взаимодействия с другими классами, осуществляющийся по общим законам словообразования и межклассных семантических связей.

6) Слово и как совокупность внутренне связанных значений, и как однозначная лексема имеет свою грамматику – предписанную ему языком парадигму (кстати, довольно часто им к себе приспособляемую), а также диктуемые ему языком синтаксические связи. Свою грамматику имеет и лексический класс: в круг его характеристик обязательно входят те или иные правила словоизменения и синтаксической сочетаемости, а также, и в первую очередь, те грамматические черты, из которых складывается индивидуальная характеристика того или иного лексического множества. Грамматика слова – со многими условно допускаемыми ограничениями – показывается в словарной статье; грамматика лексического класса в лингвистических описаниях ограничивается сообщением о ней в терминах и категориях частей речи и в соответствующих границах; грамматика отдельных подмножеств, отдельных ветвей лексического древа обычно характеризуется очень бегло или вообще остается вне поля зрения исследователя. Между тем, наука о словесном составе языка,

претендующая на всестороннее описание лексики, обязательно должна иметь своим предметом все те общие и частные грамматические характеристики, которые вместе с семантикой слов, образующих данное множество, составляют сущностную черту этого множества.

7) Как для лексического класса и любого из образующих его множеств, так и для многозначного слова характерно то, что можно назвать "стилистической всеядностью": внутри словесной системы и ее подсистем сосуществуют единицы разной, очень часто противоположной стилистической значимости; это объясняется множественностью и разнообразием путей формирования и пополнения лексики, принципиальной открытостью ее состава. В многозначном слове свободно соседствуют значения, принадлежащие к самым разным языковым сферам: к нейтральной, книжной или высокой речи, к речи узко специальной или профессиональной, к просторечию, жаргонам, к диалектам, взаимодействующим с общенациональными нормами; слово отличается высокой семантической активностью, оно стремится действовать во всем языковом пространстве, которое для него всегда открыто. То же самое относится и к широте охвата в границах класса словесных единиц, принадлежащих к разным периодам в истории языка: лексический класс свободно охватывает словесные массивы, складывающиеся на протяжении нескольких эпох, многозначное слово включает в свою семантическую структуру как живые, активные значения, так и значения устаревающие или старые. В зависимости от задач предпринимаемого лексикографического труда, в словарной статье описывается или относительно полный исторически сложившийся состав значений слова со всеми связующими их переходами, или показывается только тот или другой его синхронический "срез".

На фоне показанного сходства отчетливо выступают черты различия, обусловленные знаковой природой слова и природой лексического класса. 1) Слово есть знак: за ним стоит, с одной стороны, понятие, с другой – сама именуемая реалья; в нем заключен потенциал неких взаимоотношений, связей как с понятием (сигнификатом), так и с конкретной жизненной данностью (денотатом). Лексический класс как целостная организация не обладает таким потенциалом: его структура – это абстракция от отношений между словесными множествами, именно благодаря этим отношениям организованными в систему. Здесь уместна аналогия между лексическим классом и грамматической категорией. В обоих случаях языком представлена высокая ступень обобщения: в грамматической категории это абстракция от значений словоформ, в лексическом классе – от семантических характеристик его подмножеств. Как грамматическая категория, отлившись в языковую абстракцию, существует уже над породившими ее и подчиняющимися ей единицами, так и лексический класс, сложившись в систему связей и отношений между словесными группировками, существует уже сам по себе и независимо от наличия или отсутствия какой-то отдельной единицы в составе той или иной такой группировки. 2) Слово обращено к речи: речь – устная и письменная, социально нормированная или индивидуальная, отклоняющаяся от нормы – сфера его существования. Именно поэтому слово, непосредственно взаимодействуя с говорящим или пишущим, открыто для индивидуальных осмыслений и переосмыслений, для неожиданных столкновений; сама знаковая природа слова позволяет ему расширять круг именуемого, делает его предметом творчества, художественного мастерства. Лексический класс обращен непосредственно к тем связям и отношениям, которые формируют языковую систему. Никакая индивидуальная деятельность в границах класса или входящего в него множества невозможна – так же, как невозможна такая деятельность в сфере грамматики, ее категорий и форм: редкие попытки выглядят странно и никогда не принимаются языком. 3) В слове переход от одного значения к другому происходит плавно и постепенно: будь то сужение или расширение значения, преобразование его в связанный компонент фразеологизма, – здесь всегда существуют промежуточные ступени, связующие звенья между семантическими наращиваниями или утратами. Между множествами и подмножествами лексического класса таких переходов нет. Связь между лексическими множествами –

это сложившаяся вычлененность нисходящей ветви из той, которая ей непосредственно предшествует и, следовательно, обязательное вхождение нисходящей ветви в вышестоящую. Эти отношения между подмножествами закреплены структурно: ими создается лексическая целостность, принадлежащая самой языковой системе. В слове заложена постоянная и высокая семантическая продуктивность, обеспечивающая появление новых значимых единиц. Продуктивность класса, т.е. способность порождать и вычленять новые ветви, не идет ни в какое сравнение с продуктивностью слова: если в слове ее можно наблюдать "невооруженным глазом", то в лексическом классе соответствующие процессы обнаруживаются лишь в результате специальных исторических разысканий.

Показанное выше сопоставление может быть продолжено: третьим его членом окажется лексическое значение как такая организация семантических составляющих, которая имеет ядро и устремленные к нему (и от него отходящие) компоненты, все вместе образующие семантическую целостность. Этот вопрос требует специальных углубленных изучений.

V. Работа над "Русским семантическим словарем" позволила по-новому осмыслить строение многих классов слов, в частности – местоимений и глаголов. Анализ класса *м е с т о и м е н и й* как особой системы, противостоящей другим классам слов по своей основной функции и по своему строению, привел к следующим важным выводам.

1) Местоимения как слова, лишенные номинативных (денотативных) значений, образуют систему слов *о з н а ч а ю щ и х* и в этом качестве противопоставлены всем другим словам – *именующим, связующим и квалифицирующим*. Во главе класса местоимений стоит закрытый ряд исходных (первичных, начальных) слов, означающих глобальные понятия материального и духовного мира: это понятия о живом существе (*кто*), предмете (*что*), признаке (*какой, каков, каково*), принадлежности (*чей*), количестве (*сколько, который*), мере (*насколько*), времени (*когда*), месте (*где*), пределе в пространстве или во времени (*докуда, откуда*), об элементарных связях и зависимостях (*почему, зачем*). Каждое из таких местоимений возглавляет собственную микросистему, средствами местоименных слов представляющую означаемое как определенное, неопределенное или несуществующее (отсутствующее или непознанное), например: *где – тут, там – где-то – нигде; какой – такой – какой-то – никакой; кто – я, ты, он, мы, вы, они – кто-то – никто* и т.д. Такое сегментарное трехступенчатое членение отражает самые общие и основные ступени человеческого познания.

2) Класс местоимений является смыслопорождающей категорией: его исходный ряд заключает в себе те центральные понятия, которые, будучи поименованы семантическим инвариантом языковых средств, к этому понятию обращенных, формируют языковые смыслы и смысловые категории языка (см. п. VIII). Языковой смысл (например, *"где – место"*, *"кто – существо одушевленное"*, *"когда – время"*) притягивает к себе разноуровневые языковые средства и формирует на их основе общие и частные смысловые категории языка. Эти категории все вместе образуют то пространство, которое можно назвать смысловым строем языка. Исходное местоимение возглавляет микросистему, представляющую означаемое, во-первых, как то, что может быть определенным, неопределенным или непознанным (это – членение микросистемы "по вертикали", например, *где, где-то, нигде*), во-вторых, как то, что может быть предельным (данным, точечным) или непредельным (не данным, не точечным) (это – членение "по горизонтали", например, *где – тут и там, что – это и то, почему – поэтому и потому, который – этот и тот*), в-третьих, как неопределенно единичное и неопределенно множественное (например, *кто-то и кто-нибудь, кто-либо, кое-кто, куда-то и куда-нибудь, куда-либо, кое-куда*). Такие противопоставления в самом абстрактном виде демонстрируют заключаемые в языковых смыслах идеи (понятия) существования и несуществования, предельности и непредельности, единичности и множественности, определенности и неопределенности.

3) Местоимение как класс означающих слов представляет собою концентрацию абстрактных языковых значений: в нем заключены и им формализованы, представлены в обнаженной и строгой системе такие абстракции как бытие и небытие, пространство и время, определенность и неопределенность, предельность и непредельность, одушевленность и неодушевленность, субъектность и бессубъектность, считаемость, мера, принадлежность, ситуативное состояние, причина, цель. Все эти абстракции, связанные местоимениями в стройную и прозрачную организацию, присутствуют на разных уровнях языка – в грамматических категориях и формах, в морфемике, в лексических значениях слов; они скрепляют собою все эти уровни и обеспечивают целостность языковой системы, существование единого смыслового строя языка (см.: Н.Ю. Шведова. "Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства". М., 1998).

Смыслы, означаемые местоимениями и дифференцируемые средствами разных языковых множеств, скрепляют собою "изобразительное полотно" языковой картины мира и обеспечивают неоднoplanовость и глубину этой картины (см. п. IX).

VI. Новые результаты получены при фронтальном изучении и описании значений глагола.

1) Традиционной дихотомии "глаголы со значением активного действия – глаголы со значением неактивного процессуального состояния" оказалось противопоставленным разбиение "глаголы, в своих значениях не заключающие противопоставления 'активного действия либо неактивного состояния' – глаголы, в своих значениях противопоставленные по этому признаку". В первый блок вошли глаголы дейктические, бытийные, модальные, фазовые, глаголы со значением связей и зависимостей; второй блок делится на "глаголы, называющие активные действия, деятельности" и "глаголы, называющие неактивные процессуальные состояния – субъектные и бессубъектные". Внутри каждого из этих блоков присутствует собственное многоступенчатое членение. При таком разбиении оказались представленными в общем блоке глаголы, по своим значениям безразличные к характеру субъекта (или к отсутствию субъекта), наиболее отвлеченные по своим значениям, а также глаголы, способные означать действие или состояние вообще либо ситуацию в целом (дейктические).

2) Бытийные глаголы в русском языке составляют обширную группу слов, способных не только именовать те или иные фазы бытия, но и обозначать их различные характеристики. Этот класс состоит из десяти множеств, в которых объединяются глаголы со значениями: предстояния, близости; возникновения; становления, осуществления; существования; мгновенности бытия; достижения предела бытия; перерыва в течении бытия; склонения к концу бытия; конца; несуществования. Внутри каждого из этих множеств присутствует внутреннее членение (например, существование: собственно существование, существование характеризуемое с точки зрения интенсивности или неинтенсивности, существование-самовыявление; предстояние: собственно предстояние, предстояние отдаленного и предстояние близкого и др.). Бытийные глаголы своим составом показывают все реально существующие фазы бытия, сложность и многогранность этих фаз; своей организацией они наглядно демонстрируют один из фрагментов языковой картины мира (см. п. IX).

3) Русские дейктические глаголы образуют сложный и многофункциональный класс, первично организующийся в четыре большие группы.

а) Глаголы, способные называть самые разнообразные действия или состояния, по охвату означаемого наиболее близкие к местоимениям (см. п. V): это глаголы *делать*, *делаться*, *происходить* и *быть* ('иметь место', 'наличествовать'), сочетание *иметь место*. Глагол *делать* способен означать любое действие, поступок, поведение, исходящие от определенного субъекта (при негации – отсутствие такого действия, поступка): *Что он делает?* – *Работает/ Спит/ Гуляет/ Пишет статью/ Сдает экзамены/ Уехал отдыхать.../ Ничего не делает*. Глаголы *делаться* и *происходить* означают любую ситуацию, собственно событие, в котором явно или неявно присутствует субъект действующий, тот, от кого ситуация исходит, кем она конструируется (– *Что*

там делается? – Драка! Ссора! Приехали гости! Поймали воришку! В доме происходит что-то непонятное). Глагол *быть*, сочетание *иметь место* означают ситуацию с устраненным субъектом, собственно бытийную, либо ситуацию, в которой субъект пассивен, испытывает то или иное состояние (см. вопросы: – *Что там? Что сейчас? Что с ним? Что с тобой было?* и ответы: – *На дворе мороз; Сегодня праздник; Он одинок, всеми покинут; Я болен/ болел/ Мне необходимо ехать*). Дейктическая функция принадлежит также предикативу *сделано*, означающему результативное состояние, продолжающийся и актуальный результат действия, поступка (см. предикативы: *Сказано – сделано; Сколько дел переделано!; Послано в погоню*).

б) Глаголы связанные, способные означать действия или состояния в сочетаниях с определенными словами; такая сочетаемость может быть относительно широкой или узкой, но эти связи всегда оказываются закрытыми; ср.: *вести (разговор, беседу, дело, речь и некот. др.)*, *держать (речь, экзамен, ответ, свою линию и некот. др.)*, *нести (ответственность, наказание и некот. др.)*, *выполнять (работу, заказы, обещание и некот. др.)*, *войти (в азарт, в раж, в роль, в суть дела и некот. др.)*, *проводить (время, жизнь и некот. др.)* и мн. др. Таких глаголов в русском языке около 300; в словарях они подаются с пометой "в некоторых сочетаниях" со случайными иллюстрациями; однако их полное описание – применительно к современному русскому общему словоупотреблению – удалось осуществить только при фронтальном изучении глагольных значений.

в) В русском языке есть около 30 глаголов, соотносительных с так называемыми "глагольными междометиями", такие, как *бахнуть, бухнуть, грохнуть, шарахнуть, хлопнуть, хрястнуть* и под. Такие глаголы первично означают звук и его произведение, а далее – различные энергичные одноразовые действия: удар, бросок, рывок, быструю речь, быстрое направленное движение. В словарях семантическая структура таких слов представляется по-разному. Между тем, эти глаголы в действительности являются дейктическими словами, способными означать любое разовое и резкое, сильное физическое действие; характерна общая тенденция семантического развития соответствующих глагольных междометий – от воспроизведения звука до формирования внутритекстовой частицы, означающей неожиданное действие или событие (*Сиджу без денег и вдруг – хлоп! – посылка; То нет никого, то – вдруг – бах! – целая куча гостей!*).

г) К дейктическим глаголам примыкает также небольшая группа глаголов, способных экспрессивно означать собственно энергичное действие или движение (*валять, дуть, жать, чесать, плясать* и некот. др. См. у Пушкина в "Сказке о попе...": "До света все у него *пляшет*, Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затопит, все заготовит, закупит, Яичко испечет да сам и облупит). Таким образом, работа над "Русским семантическим словарем" показала наличие в русском языке особого класса дейктических глаголов, имеющего собственную организацию и собственное внутреннее членение.

Дейктические глаголы первой группы (а), способные обозначать разные виды сообщений, создают основу для типологии таких сообщений (языковых ситуаций) и для рассмотрения их системы в целом. Внутри языкового пространства, создаваемого той или иной языковой ситуацией, размещаются те языковые смыслы, которые заданы исходными местоимениями; эти смыслы, сопоставляясь, контаминируясь и усложняясь в строю текста, отливаются в нем в материальную форму и организуют его как единицу сообщения.

4) Фронтальное изучение глагольных значений наглядно продемонстрировало действующие в языке тенденции порождения одних классов значений другими: устанавливаются живые связи между глаголами дейктическими и глаголами со значением физических действий и состояний, движения и перемещения; между глаголами со значением бытия и глаголами со значением движения или эмоциональных состояний и др. Изучение таких тенденций подводит к важному теоретическому положению о

возможности воссоздания некоего идеального конструкта, показывающего многозначный глагол как структуру с открытыми или закрытыми участками, обладающую специфическим потенциалом семантического развития (см. об этом в статье Е.С. Копорской "Архетип глаголов движения" в книге: "Словарь. Грамматика. Текст". М., 1996).

Важным результатом является также то, что мы получили твердое представление о природе тех участков, которые составляют лексическую систему глагола: здесь выявляются участки закрытые, почти не принимающие новаций, участки, допускающие такие новации, но относящиеся к ним с большой осторожностью, и участки, свободно принимающие новации – прежде всего, в связи с развитием тех или иных сфер жизни, появлением здесь новых реалий и действий, связанных с этими реалиями.

VII. Существует очевидный параллелизм в строении местоимения и глагола. Этот параллелизм обнаруживается в следующем.

1) Местоимение – это означающее слово: в ряду его исходов четко распределены функции означения самых общих понятий материального и духовного мира и конструирования смысловых категорий языка, обращенных к этим понятиям. В классе глаголов присутствует ряд дейктических слов, означающих самые общие понятия о процессе и процессуальном состоянии (см. VI, п. 3); дейктические глаголы и сочетания, означающие ситуативное состояние (*быть, наличествовать, иметь место*) смыкаются с классом местоимений через ступень местоимения *каково*, означающего бес- субъектную ситуацию или ситуацию, в которой присутствует неактивный субъект состояния.

2) Парадигма глагола по своему существу совпадает со строением микросистемы местоимения: местоимение имеет собственные средства (слова) для обозначения определенности, неопределенности и несуществования (отсутствия, непредставленности, незнания); те же самые возможности – но уже формальные, грамматические – имеет глагол; он реализует их в своей парадигме: определенность заключена в формах времени – настоящего, прошедшего и будущего, неопределенность – во всех формах ирреального времени (сослагательность, повелительность, желательность, долженствование), отсутствие, непредставленность, несуществование – в сочетаниях с негацией (*не*), образующихся с регулярностью формы; ср.: формообразование дейктического глагола: *делаю, делал, буду делать – делал бы – не делаю* и местоимения *кто* (или любого другого местоименного исхода): *я, ты, он, мы, вы, они – кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто – никто*.

3) В системе местоимений заключена способность противопоставления предельности и непредельности, сосредоточенности, точечности и несосредоточенности, неточечности, ср.: *тут – там, сюда – туда, досюда – дотуда, это – то, поэтому – потому, этот – тот, я (ты, он) – сам, себя*; отсутствие такого непосредственного сопоставления у отдельных местоимений компенсируется сочетаниями с *вот* или *самый* (*вот зачем, за этим самым*). В глаголе такое противопоставление представлено видовым соотношением (совершенный и несовершенный вид); здесь этот смысл дифференцируется так называемыми "способами глагольного действия".

4) Открывающее собою весь ряд исходов местоимение *кто*, своим своим местом в этом ряду, своим строением и своими позиционными возможностями утверждающее тезис о господствующем в языке "человекоцентризме", своей сегментацией способно означать как субъект определенный (*я, ты, он, мы, вы, они, сам, себя*), так и неопределенный (*кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто*), либо отсутствующий, непредставленный (*никто, некого*), а также все множество существующих субъектов (*все*). Те же способности присутствуют в формах глагола: он способен обозначать субъект определенный (личные формы), неопределенный (так называемые неопределенно-личные предложения), все возможное множество субъектов [те же формы, ср.: *Уж сколько раз твердили миру, Что лесть густа, вредна*. (Крылов); *Нас уверяют,*

что красота спасет мир}], либо субъект неизвестный или отсутствующий (глагольные безличные предложения).

Таким образом, обнаруживается безусловный параллелизм тех основополагающих абстракций, которые принадлежат местоимению и глаголу и составляют сущностные характеристики как того, так и другого класса слов.

VIII. Работа над словарем позволила сформулировать основное различие между языковым смыслом и языковым значением и предложить такое определение языкового смысла, которое представляется достаточно строгим.

1) Языковой смысл – это языковая категория, стоящая на высшей ступени абстракции; по отношению к любому языковому значению смысл является его инвариантом.

Языковой смысл – это самое общее понятие, означенное исходным местоимением и в границах создаваемого этим исходом понятийного пространства материализуемое посредством таких языковых множеств, которые по самой своей природе (по семантической общности) входящих в них единиц обращены к такому пространству, входят в это пространство и в нем располагаются. Языковой смысл есть глубокая структура, сочетающая в себе два конструирующих начала: 1) одно из основных понятий материального мира и духовного мира человека, этот мир познающего; 2) обобщенно представленную семантику разноуровневых языковых средств, к этому понятию обращенных и его собою материализующих.

Каждый языковой смысл членится, во-первых, в соответствии с теми ступенями познания, которые отражены в строении местоименной микросистемы (определенность, познанность, данность – неопределенность, неполная познанность – непознанность, непредставленность и, следовательно, утверждение несуществования); во-вторых, по охвату обращенных к этому смыслу языковых семантических общностей, по их сужающемуся членению.

2) В недрах языкового смысла структурируются языковые смысловые категории. Эти категории – общие и частные – отвлекаются от языковой материи и обнаруживают себя в совокупностях материальных единиц и в самих таких единицах. Так, например, языковой смысл "*сколько – количество*", представляющий общую смысловую категорию, и самим строением местоименной микросистемы членившийся по названным выше основаниям (*сколько: столько – сколько-то, -нибудь, -либо – нисколько*), порождает смысловое пространство, которое первично членится на частные смысловые категории (*сколько кого, сколько чего, сколько раз, сколько времени и сколько лет кому-чему*) и далее – внутри этих первых – на следующие, более частные смысловые категории, определяемые семантической общностью единиц, входящих в каждое из ступенчато сужающихся подмножеств. Языковой смысл "*чей – принадлежность*" представляет общую смысловую категорию, члениющуюся по ступеням определенности – неопределенности – непредставленности (*чей: мой, твой, ваш, его, их, свой – чей-то, чей-нибудь, чей-либо – ничей*) и порождающую смысловое пространство, которое объединяет внутри себя частные смысловые категории: "*лично свой – общий – чужой*", далее члениющиеся на основе семантической общности тех единиц, которые распределены в границах такого смыслового пространства по ступенчато сужающимся подмножествам.

3) Языковое значение – это содержательная целостность, неотделимая от языкового смысла, образуемая слиянием семантических составляющих (главной и конечной или конечными семами) и представляющая собой номинативный аспект языкового знака: в двуликой природе такого знака значение открывает тот его "лик", в котором заключено знание об именуемом.

Коренное различие языкового значения и языкового смысла состоит в том, что смысл стабилен, консервативен, а значение нестабильно, подвижно. Строй смыслов, понятийно скрепляющий собою всю языковую систему, существует исконно и не меняется ни под влиянием социальных перемен, ни в результате изменений в

значениях слов; значение подвижно и изменчиво: оно обращено к другим таким же единицам, их к себе притягивает и от них отталкивается; центробежный потенциал (стремление взаимодействовать с другими подобными единицами и формировать новые такие единицы) и центростремительный потенциал (стремление притягивать к себе другие подобные единицы, вобрать их в себя) существуют в значении одновременно и вместе являются двигателем в развитии как самого значения, так и других значений, к нему устремленных и от него отталкивающихся. Лексическое значение не существует само по себе, одно: оно входит в лексико-семантическое множество и активно взаимодействует с другими единицами такого множества.

В составе лексико-семантического множества значение может быть опорным или неопорным. Опорное значение организует группу – подмножество или конечный лексико-семантический ряд; в той "картинке жизни", о которой говорилось в п. III, оно именует эту "картинку", составляет ее информативный центр. К опорному значению устремлены все другие члены подмножества: они или дополняют собою его информативное ядро или "расцветивают" его познавательно, оценочно либо стилистически.

Любое значение включает в себя смысл как свой понятийный инвариант; смысл облекается множественными значениями и скрепляет их в пределах порождаемого им смыслового пространства (см. выше п. 2).

IX. Признав существование лексики как естественной самодостаточной и самоорганизующейся системы, живущей по своим законам, независимо от концепции исследователя, приступающего к описанию системы с заранее предъявляемыми к ней требованиями, мы неизбежно подходим к вопросу о том, что же такое создаваемая самим языком *языковая картина мира*. Прежде всего встает вопрос: что же понятийно стоит во главе этой картины, к чему обращены основные массивы слов, как лексическая система своим составом изображает окружающий нас мир и все в нем существующее? Ответ на этот вопрос дает тот "человекоцентризм" (антропоцентризм, эгоцентризм), о котором с разных позиций пишут многие исследователи: в центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия; наиболее полные и развитые ветви лексического древа, представляющего систему, относятся к человеку – к нему самому, к его жизнедеятельности, к продуктам его труда и занятий: человек незримо присутствует в любом именовании как тот, кто об именуемой реалии может сказать "мое", наконец, во всей системе именовании человек присутствует как тот, кто специально для этого предназначенными языковыми средствами может сопоставить и сочленить такие именованья, квалифицировать и оценить именуемое. Наверное, о человеке, воспринимающем себя как центр мироздания, никто не сказал лучше Г.Р. Державина; см. в его знаменитой оде "Бог":

Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта конечна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, – я раб, – я червь, – я Бог!

Так мы подходим к пониманию языковой картины мира не как отдельного, удобного для анализа фрагмента лексики, а как картины в целом, как целостного изображения языком всего того, что существует в нас и вокруг нас. К такому пониманию обязывает

сам термин, за которым стоит мысль о способности языка своими собственными средствами представить все сущее как нечто целостное, вмещаемое в единое изобразительное пространство и этим пространством объединяемое. Исходя из всего сказанного можно сформулировать следующее определение языковой картины мира:

Языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум. Такая картина мира предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и с обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения. В вершине этого изображения стоит человек; к этой вершине обращены две главенствующие ветви: "сам человек, его жизнедеятельность и ее плоды" и "его окружение, сфера его существования"; именно такое первичное членение соответствует восприятию человеком самого себя и того, что существует вокруг него и "для него". В первой ветви это само бытие человека, его тело и его дух, его виды (существующие генетически или образованные в процессе его жизнедеятельности), его действия и поступки и разнообразные плоды и результаты его трудов и занятий; во второй ветви это пространство и время, вся живая и неживая природа, мир созданных человеком мифов и социум – общество, созданное человеком и его окружающее. Каждый из названных участков далее членится на множество отдельных фрагментов, предсказанных строением соответствующей лексической ветви (ветвей): в этих участках оказываются объединенными слова, принадлежащие к разным частям речи, но относящиеся к одному и тому же фрагменту языковой картины мира (например, "бытие, существование человека": имена, называющие фазы этого существования, глаголы, называющие соответствующее протекание процессов бытия; "время": соответствующие имена и глаголы, называющие течение времени и т.п.). Внутри каждого из таких участков присутствуют собственные группировки и собственные отношения между входящими в них единицами и их совокупностями.

Сущность и строение языковой картины мира не ограничиваются только его словесным изображением: это изображение осмысливается языком, им связывается и окрашивается. На словесное "изобразительное полотно" накладывается **сеть языковых слов**, придающих такому изображению качество неоднородности и глубины. С точки зрения роли и характера соответствующих функций языковые смыслы, накладывающиеся на "изобразительное полотно", группируются следующим образом: 1) смыслы, охватывающие всю картину, понятийно ее организующие; 2) смыслы связующие и 3) смыслы квалифицирующие. В первой группе выделяются смыслы широкого охвата (*кто, что, быть, делать, происходить*) и смыслы сосредоточивающие, локализирующие именуемое во времени и в пространстве (*где, откуда_{loc}, откуда_{temp}, когда, откуда_{temp}, докуда_{temp}*); ко второй группе относятся смыслы *чей, зачем, почему*; к третьей – смыслы собственно квалифицирующие (*какой, каков, как, каково*) и количественно характеризующие (*сколько, насколько, который*). Смыслы второй и третьей групп свободно обращаются к самым разным участкам языковой картины мира; не случайно исследователи, с разных позиций к ней обращающиеся, исключают такие смыслы из поля своего рассмотрения: эти смыслы – не конструктивные, не организующие; для них открыто все пространство этой картины, и они свободно перемещаются в границах этого пространства.

Так открывается **трехмерность** языковой картины мира, троичность ее аспектов: а) ее собственно "изобразительное полотно", представляемое классами именуемых единиц; б) сеть языковых смыслов, охватывающих это полотно и понятийно связующих его участки, и в) сеть смыслов квалифицирующих, свободно передвигающихся по всему такому пространству и способных устремляться к разным его единицам и их множествам.

Х. Практические выходы. "Русский семантический словарь" открывает перед нами следующие возможности:

- 1) создание монографии "Современная русская лексика и фразеология";
- 2) создание "Русской грамматики смыслов", построенной "от исходных смыслов" к порождаемым ими смысловым категориям и к их смысловым пространствам;
- 3) построение идеографического словаря на собственно языковых основаниях;
- 4) создание полного фразеологического словаря, охватывающего как современную идиоматику, так и разные виды фразеологических единств, строящихся с участием действительных глаголов;
- 5) представление полной языковой картины мира на основаниях, диктуемых самим языком, и с учетом неоднородности и глубины этой картины;
- 6) построение тематических словарей разного объема и назначения;
- 7) построение разных типов учебных словарей;
- 8) возможность осуществления разумной унификации построения словарных статей и словарных дефиниций в современных толковых словарях.